

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/sfchzk>

Региональная антикоррупционная политика: современные управленческие практики реализации

Банная Галина Алексеевна

Уральский федеральный университет имени первого Президента

России Б. Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург

eLibrary Author SPIN: 1685-7896

<https://orcid.org/0000-0002-8175-591X>g.a.bannykh@urfu.ru

Паливода Илья Романович

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС,

Россия, Екатеринбург

Аннотация: Современная трансформация государственного управления в Российской Федерации приводит к необходимому обновлению инструментов и механизмов реализации государственной политики, в том числе и региональной. Антикоррупционная политика, активно формирующаяся с 2008 г., в 2024 г. также претерпевает изменения в субъектах России. Однако, несмотря на отсутствие однозначного понимания коррупции, она продолжает восприниматься как кризисное для современного общества явление. Цель – изучить основные управленческие практики реализации региональной антикоррупционной политики в Российской Федерации на современном этапе. Выявлено, что разработка и реализация антикоррупционных мероприятий реализуются в рамках общефедеральных целей и направлений, определяемых Президентом страны, но требуют индивидуального подхода (с учетом социально-экономических, политических и культурных особенностей) и адаптации к территориальным условиям. Установлена важность создания согласованной системы мониторинга, контроля и анализа эффективности принимаемых мер, которая позволит достичь лучших результатов в борьбе с коррупцией и обеспечить прозрачность и ответственность управления. Применен метод анализа документов, статистических данных, формально-юридический метод, метод сравнительного анализа данных, что в целом позволяет говорить об использовании авторской методики изучения управленческих практик реализации антикоррупционной политики. Определены ее важнейшие направления – координация усилий между федеральными и региональными органами власти и взаимодействие с институтами гражданского общества. Выделены основные управленческие практики: формирование координационных структур реализации политики, тесное взаимодействие территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и региональных органов исполнительной власти, включение в планы реализации политики широкого спектра институтов гражданского общества, применение инновационных технологий, в том числе информационно-коммуникационных технологий. Обозначены уникальные региональные практики, такие как вариативность, полномочия уполномоченных органов власти и реализуемые ими меры по профилактике коррупции и осуществлению контроля за деятельностью органов власти и служащих.

Ключевые слова: государственное управление, регион, антикоррупционная политика, противодействие коррупции, практика реализации

Цитирование: Банная Г. А., Паливода И. Р. Региональная антикоррупционная политика: современные управленческие практики реализации. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 4. С. 531–545. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-531-545>

Поступила в редакцию 20.08.2024. Принята после рецензирования 06.11.2024. Принята в печать 11.11.2024.

full article

Regional Anti-Corruption Policy: Modern Management Practices

Galina A. Bannykh

Yeltsin Ural Federal University, Russia, Ekaterinburg

eLibrary Author SPIN: 1685-7896

<https://orcid.org/0000-0002-8175-591X>g.a.bannykh@urfu.ru

Ilya R. Palivoda

Ural Institute of Management (RANEPa), Russia, Ekaterinburg

Abstract: The current transformation of Russia's state administration reveals the need to update the instruments and mechanisms for implementing state policy in the regions. Anti-corruption policy has been developing since 2008, but corruption still lacks a clear definition and remains a crisis phenomenon for modern society. The article describes the current management practices of regional anti-corruption policy in the Russian Federation. Anti-corruption measures are part of federal goals and directions determined by the President of the Russian Federation; however, they require an individual approach based on the socio-economic, political, and cultural characteristics of each region. The process needs a coherent system for monitoring, control, and analysis to measure the effectiveness of the measures taken. Such a system could fuel the fight against corruption, as well as make its management transparent and accountable. The research included the methods of document, statistic, formal legal, and comparative data analysis. The authors developed their own methodology for studying management practices of anti-corruption policy implementation. Its most important areas included coordinating the efforts between federal and regional authorities and a more active interaction with civil society institutions. The main management practices involved coordinated structures for policy implementation, a closer interaction between territorial federal and regional bodies, a wider range of civil society institutions, more innovative technologies, etc. Some regions demonstrated unique practices in variability, responsibilities, anti-corruption measures, control of the authorities and employees, etc.

Keywords: public administration, region, anti-corruption policy, anti-corruption, implementation practice

Citation: Bannykh G. A., Palivoda I. R. Regional Anti-Corruption Policy: Modern Management Practices. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(4): 531–545. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-531-545>

Received 20 Aug 2024. Accepted after review 6 Nov 2024. Accepted for publication 11 Nov 2024.

Введение

Антикоррупционная политика в Российской Федерации – самостоятельный вид государственной политики (реализуемый различными социальными акторами), самостоятельность которой обусловлена:

- ее обязательным включением в деятельность всех органов публичного управления и подведомственных им организаций и учреждений;
- ее «сквозными» качествами, т.е. возможностью влиять на прочие виды государственной политики и сферы государственного управления;
- наличием системы уполномоченных органов по противодействию коррупции в системе органов публичной власти;
- обширной нормативно-правовой основой ее реализации и пр.

Антикоррупционная политика, как и основной объект воздействия (коррупция), эволюционирует, трансформируется, т.к. детерминирована «актуализовавшимися и вновь возникающими угрозами,

а равно регулярно модернизирующимися формами коррупционных проявлений» [1, с. 38–39]. В эпоху цифровой трансформации общества появляются новые цифровые инструменты, такие как электронные системы мониторинга, цифровые платформы для обеспечения прозрачности и отчетности, и аналитические инструменты, выявляющие потенциальные коррупционные схемы и открывающие широкие возможности для более эффективной борьбы с коррупцией. В связи с этим растет интерес ученых к современным технологиям и инструментам, которые применяются для противодействия коррупции на разных уровнях публичного управления [2–6].

Антикоррупционная политика на уровне субъекта РФ играет важную роль в обеспечении стабильности и развития региона, а учет его территориальных особенностей и вызовов повышает эффективность реализации данной политики. При этом ее осуществление требует от региональных властей

(при поддержке населения) формирования системного подхода к предупреждению коррупции и борьбе с ней на государственном и муниципальном уровнях [7]. Цель статьи – изучить основные управленческие практики реализации региональной антикоррупционной политики в РФ на современном этапе.

Согласно ст. 1 ФЗ «О противодействии коррупции», в основе определения *противодействие коррупции* содержится комплексный подход, предполагающий не только борьбу с уже возникшими коррупционными проявлениями, но и активное предотвращение и устранение коррупционных практик. Такая установка подчеркивает необходимость совместных усилий государственных органов, общественных институтов и граждан. Антикоррупционная политика, или политика в сфере противодействия коррупции, реализуемая на системной основе, включает в себя 3 основных направления: профилактика коррупции; борьба с коррупцией; минимизация и / или ликвидация последствий коррупции¹.

В научной литературе определение *антикоррупционная политика* встречается довольно часто, при этом понятия *деятельность* и *политика* могут выступать синонимами или быть тождественными [8, с. 20; 9, с. 125]. Чаще всего антикоррупционная политика определяется через деятельность органов публичной власти и управления, направленную на защиту законных прав и интересов граждан от коррупционных проявлений [10–12; 13, с. 245]. Однако встречаются и оригинальные определения, например Г. Н. Горшенкова: антикоррупционная политика – это мировоззрение, которое напрямую отражает оценку пораженности государства коррупционной преступностью [14, с. 6].

Основная цель, к которой стремятся субъекты реализации антикоррупционной политики, – уменьшение количества коррупционных проявлений (их минимизация или полное прекращение), а также предоставление всем гражданам права на защиту их прав и интересов от коррупционных правонарушений – может быть достигнута с помощью [15, с. 61]:

- регулярного анализа реализуемой политики и оценки ее результатов;
- беспрепятственного информирования о любых фактах коррупции в СМИ;
- компенсации вреда, причиненного коррупционным преступлением;
- неукоснительного и непротиворечивого следования принципу неотвратимости наказания за любое коррупционное деяние;

- принятия действенных превентивных мер антикоррупционного характера;
- недопущения подкупа публичных лиц и граждан при проведении выборов либо референдума.

По мнению Р. С. Сорокина, в антикоррупционной политике выделяется 3 уровня [10]: концептуальный, заключающийся в поиске и формировании наиболее эффективной теоретической модели реализации государственной антикоррупционной политики; законодательный, который связан с правотворческой деятельностью в сфере борьбы с коррупцией; правоприменительный, применяющий существующие нормы различных отраслей права в области предотвращения и противодействия коррупции.

Для повышения эффективности реализации антикоррупционной политики в механизм государственного управления было внесено множество изменений. Так, долгосрочным инструментом противодействия коррупции стала реализация государственного управления по принципу «одного окна», что привело к появлению цифровой системы *Единый портал государственных и муниципальных услуг* и многофункциональных центров (МФЦ). Н. П. Кабытов отмечает, что организация предоставления государственных и муниципальных услуг на базе МФЦ фактически означает их перевод «на новые рельсы», при котором интерес в сохранении коррупциогенных факторов, связанных с организацией приема заявителей, утрачивается ввиду деперсонализации взаимодействия [16].

Борьба с коррупцией ведется в реальном мире и виртуальном пространстве с использованием как традиционных, так и инновационных коммуникационных технологий [17], предполагающих следование принципу информационной открытости и прозрачности при реализации антикоррупционной политики. Сегодня этому способствуют официальные сайты органов публичной власти и их официальные страницы в социальных сетях (так называемые госпаблики). Учитывая особенности информационного общества и вовлеченность жителей в коммуникацию в сети Интернет, активное использование указанных информационных ресурсов для осведомления граждан о мерах противодействия коррупции является целесообразным. К формату информационного продвижения антикоррупционной направленности относятся также стикеры, инфографика, блоггерство, диджитал-маркетинг, социальные акции с сувенирной продукцией, челленджи, кейсы, сторителлинг, конкурсы и др.

¹ О противодействии коррупции. ФЗ № 273-ФЗ от 25.12.2008 (с изм. от 08.08.2024). СПС КонсультантПлюс.

Важной инновационной технологией, непосредственно связанной с противодействием коррупции, считается система *Посейдон*². Ее координатором является Администрация Президента РФ, оператором – Федеральная служба охраны РФ, а оказанием методической помощи и составлением соответствующих рекомендаций занимается Министерство труда и социальной защиты РФ. *Посейдон* работает одновременно с несколькими базами данных (база Федеральной налоговой службы России, Федеральной службы по финансовому мониторингу, Федерального агентства по управлению государственным имуществом и информация из соцсетей), которые объединены в одно целое. Данная система способствует созданию определенного цифрового портрета проверяемого человека, позволяет определить наличие у него возможного пересечения интересов, а также взаимодействий с людьми, которые могут иметь коррупционный характер.

В сфере реализации противодействия коррупции стремительно развиваются блокчейн-технологии (англ. *block chain* – цепь из блоков) [18; 19]. Основные сложности в использовании этих практик заключаются в том, что на сегодняшний день их применение считается уникальным и экспериментальным, т.к. соответствующее правовое регулирование и надежное ПО отсутствуют; эти технологии могут быть использованы в криминальных, коррупционных и мошеннических схемах, несмотря на правовую сторону антикоррупционных мер [20, с. 72].

В 2024 г. антикоррупционная деятельность на уровне субъектов – комплексное самостоятельное направление государственной региональной политики. Россия – одно из крупнейших федеративных государств, в рамках которого значение, влияние и результативность деятельности ответственных субъектов по противодействию коррупции регионального уровня неоднородны. Регионы накапливают опыт, выявляют свои критические зоны, коррупционные ловушки. Обобщение же данного опыта, экстраполяция полученных результатов – научная задача с серьезной перспективой на будущее [21, с. 80]. Это является актуальным и в отношении изучения антикоррупционной политики в прочих федеративных и объединенных государствах, например в Европейском союзе [22; 23].

По мнению Ю. Ю. Доменко и др. [11], особенности региональной политики противодействия

коррупции определяются региональными особенностями самой коррупции, а не только региона. Так, С. А. Скибин предлагает выделять модели реализации антикоррупционной политики в зависимости от уровня социально-экономического развития субъекта РФ: модель *гражданин – чиновник* (дотационный регион) и *бизнес – чиновник* (регион с благоприятным экономическим климатом). Для дотационных регионов характерны коррупционные проявления в социально ориентированных сферах, для регионов с развитой экономикой – в области госзакупок и конфликта интересов [24, с. 42].

Отметим, что в каждом субъекте России существует собственная нормативно-правовая основа противодействия коррупции, дополняющая федеральное законодательство. Так, на уровне стратегических программных документов³ субъекты РФ принимают «либо программы противодействия коррупции (34 % субъектов), либо планы мероприятий (66 % субъектов) по противодействию коррупции» [25, с. 36]. Важно учитывать, что даже разница в типах документов стратегического планирования существенно влияет на особенности реализации антикоррупционной политики в субъектах РФ. Во-первых, программа в отличие от плана является более комплексным и сложным нормативным актом. Во-вторых, эти нормативно-правовые документы принимаются и утверждаются также разными субъектами права (указами и постановлениями высшего должностного лица субъекта РФ, постановлениями и/или распоряжениями правительства, администрациями или специализированными органами субъекта Российской Федерации) [25, с. 36].

В реализации антикоррупционной политики важно совершенствовать механизмы общественного и парламентского контроля, повышать роль различных институтов гражданского общества, в том числе политических партий, и их последующего взаимодействия [12, с. 88]. Особенно актуально это на региональном и муниципальном уровнях. Общественность и институты гражданского общества не только содействуют органам власти в реализации их полномочий по противодействию коррупции, но и способствуют повышению активности участия граждан в борьбе с коррупцией, что является важным направлением, находящим отражение во многих региональных планах и стратегиях по реализации антикоррупционной политики.

² О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента РФ. Указ Президента РФ № 232 от 25.04.2022 (ред. от 26.10.2023). *СПС КонсультантПлюс*.

³ Анализ практики реализации программ противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации: аналитический доклад. М.: ИЗИСП, 2012. 362 с.

Именно от развитости гражданского общества, активности граждан и качества деятельности общественных организаций зависит успех профилактических направлений реализации региональной антикоррупционной политики.

Региональная политика противодействия коррупции также обладает характерными особенностями в зависимости от вхождения субъекта РФ в тот или иной федеральный округ. По мнению К. В. Черкасова и А. В. Пиптюк, на эффективность противодействия коррупции в регионе оказывает влияние существующая сегодня определенная бессистемность размещения территориальных органов федеральных органов исполнительной власти [1, с. 36]. Т. В. Ярлова и Е. В. Сухомлинова считают, что при разработке и реализации региональной антикоррупционной политики важно учитывать роль региональных элит (от которых напрямую зависит ее результативность, т. к. именно они являются базовыми региональными акторами) [13, с. 248–249], их политический «вес», репутацию и паблисити (англ. *publicity* – публичность).

Методы и материалы

Основным методом являлся анализ документов, таких как аналитические отчеты региональных уполномоченных органов по противодействию коррупции, документы стратегического планирования в сфере антикоррупционной политики и теоретические источники. Источниками для формально-юридического метода послужили основные документы федерального уровня, т.е. законы и подзаконные акты, и региональные нормативные правовые акты (НПА), включающие законы, указы, распоряжения, постановления в области антикоррупционной политики. Анализ НПА проводился в соответствии с силой документа и его тематикой. Содержательно указанные нормативные правовые акты выступают базой для реализации антикоррупционной политики в российских регионах, а также фиксируют различия в подходах и инструментах ее реализации.

Эмпирическая база для сравнительного анализа данных и анализа статистических данных – данные, указанные в региональных планах и программах противодействия коррупции; данные исследований уровня коррупции, проводимых в соответствующих субъектах РФ; контент официальных сайтов органов публичной власти регионов и официальных страниц в социальных сетях.

В ходе исследования также применялся качественный метод – экспертные интервью. Всего было проведено 5 экспертных интервью с субъектами, участвующими в реализации антикоррупционной политики в Свердловской области. Экспертами⁴ выступили: члены общественного совета при исполнительных органах государственной власти (ИОГВ) и общественной палаты муниципального образования; руководитель региональной организации, в уставные цели которой входит противодействие коррупции; представитель Департамента противодействия коррупции Свердловской области (далее – Департамент), занимающий управленческую должность; представитель экспертной комиссии при Правительстве Свердловской области.

Результаты

Классическое определение управления, которого придерживаются авторы, – целенаправленное воздействие уполномоченных субъектов на объект. Цель управления в сфере реализации политики противодействия коррупции – минимизация проявления коррупционных отклонений, нарушений и преступлений – может быть достигнута при помощи планирования, организации, координации, мотивации, контроля. Эти методы имеют огромное значение в реализации региональной антикоррупционной политики, но в каждом регионе их имплементация происходит по-разному.

Рассмотрим модели реализации государственной политики в сфере борьбы с коррупцией на примере разных типов субъектов РФ (республика, край, автономный округ, области). Так, в **Республике Татарстан** (РТ) еще в 2006 г. был принят основной нормативно-правовой акт в области противодействия коррупции на уровне субъекта – закон «О противодействии коррупции в РТ». В соответствии с ним антикоррупционная политика в Республике Татарстан осуществляется посредством реализации таких мер, как разработка программ по реализации антикоррупционной политики; антикоррупционная экспертиза и мониторинг; антикоррупционная пропаганда и образование; поддержка общественной деятельности в сфере противодействия коррупции; обеспечение публичности и информационной открытости государственных органов и органов местного самоуправления; правовая регламентация их деятельности в сфере борьбы с коррупцией⁵.

Основными субъектами реализации антикоррупционной политики Республики Татарстан являются:

⁴ Каждый эксперт имеет опыт участия в реализации антикоррупционной политики более 5 лет.

⁵ О противодействии коррупции в РТ. Закон РТ № 34-ЗРТ от 04.05.2006 (с изм. от 06.04.2023). *СПС Кодекс*.

- Глава (Раис) РТ, который определяет направления политики и обеспечивает взаимодействие всех субъектов;
- Государственный Совет РТ, разрабатывающий НПА и осуществляющий контроль деятельности ИОГВ в пределах своих полномочий;
- Кабинет Министров РТ, который координирует деятельность по противодействию коррупции среди ИОГВ;
- исполнительные органы государственной власти РТ, осуществляющие противодействие коррупции в пределах своих полномочий.

Для обеспечения их согласованного взаимодействия в процессе реализации антикоррупционной политики в 2015 г. был преобразован Совет при Президенте РТ по противодействию коррупции, действующий с 2011 г., и создана Комиссия по координации работы по противодействию коррупции (далее – Комиссия (субъект)) в Татарстан⁶. В 2023 г. учрежден специальный государственный орган по реализации антикоррупционной политики Татарстана – Управление Раиса Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики (далее – Управление РТ), являющееся структурным подразделением Администрации Раиса РТ⁷. Управление РТ обеспечивает деятельность Комиссии и осуществляет подготовку материалов к заседаниям комиссии и контроль за исполнением принятых ей решений.

В 2012 г. также была создана Республиканская экспертная группа по вопросам противодействия коррупции, которая изучает проявления коррупции в Татарстане, анализирует деятельность органов власти по противодействию и вырабатывает предложения по совершенствованию этой деятельности⁸. Однако членами группы, утвержденными Главой Республики Татарстан, являются действующие представители республиканских органов власти, т.е. она (группа) осуществляет усиленный контроль за антикоррупционной деятельностью внутри системы органов власти.

С 2011 г. в РТ реализуются мониторинги эффективности деятельности органов публичной власти по реализации антикоррупционных мер. Как следствие, к 2024 г. уже разработаны его (мониторинга) показатели и утвержден регламент проведения. Результаты мониторинга регулярно публикуются на официальных сайтах органов публичной власти. С 2015 г. в РТ действует Государственная программа *Реализация антикоррупционной политики Республики Татарстан на 2015–2025 гг.*⁹, финансирование которой составляет более 90 млн руб., выделяемых из республиканского бюджета на весь срок ее реализации, т.е. ежегодно – около 9 млн руб.

Одним из инновационных проектов на основе ИКТ в Татарстане стало внедрение в деятельность администраций муниципальных образований автоматизированной информационной системы (АИС) *Правовой контроль*. АИС позволяет минимизировать возможные коррупционные намерения неблагонажных специалистов юридических подразделений, в режиме реального времени собирая и обрабатывая судебную статистику. Непосредственно в Казани внедрена автоматизированная информационная система Цифровой ревизор, созданная для контроля за деятельностью должностных лиц, обладающих административной юрисдикцией.

Основным нормативно-правовым актом в сфере антикоррупционной политики в Краснодарском крае (далее – КК) является закон «О противодействии коррупции в Краснодарском крае»¹⁰. Комиссия (КК), как и Комиссия (РТ), появилась в 2015 г.¹¹ За обеспечение ее деятельности и подготовку материалов к заседаниям, а также контроль за исполнением принятых ей решений отвечает Управление контроля, профилактики коррупционных и иных правонарушений администрации Краснодарского края¹².

В Краснодарском крае осуществляется несколько видов мониторинга: с 2009 г. – мониторинг восприятия уровня коррупции; с 2011 г. – правоприменения нормативных правовых актов; с 2013 г. – оценки

⁶ О Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в РТ. Указ Президента РТ № УП-986 от 13.10.2015 (с изм. и доп., вступающими в силу с 31.12.2022). *СПС КонсультантПлюс*.

⁷ Об Управлении Раиса Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики. Указ Раиса РТ № 399 от 13.06.2023. *ИПП Гарант*.

⁸ О Республиканской экспертной группе по вопросам противодействия коррупции. Указ Президента РТ № УП-415 от 02.06.2012 (с изм. от 10.03.2022). *СПС Кодекс*.

⁹ Об утверждении государственной программы Республики Татарстан «Реализация антикоррупционной политики Республики Татарстан». Постановление Кабинета Министров РТ № 512 от 19.07.2014 (с изм. от 08.10.2024). *СПС Кодекс*.

¹⁰ О противодействии коррупции в Краснодарском крае. Закон Краснодарского края № 1798-КЗ от 23.07.2009 (с изм. от 07.12.2022). *СПС Кодекс*.

¹¹ О Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Краснодарском крае. Постановление Главы администрации (Губернатора) Краснодарского края № 972 от 15.10.2015 (с изм. от 02.10.2024). *СПС Кодекс*.

¹² Об управлении контроля, профилактики коррупционных и иных правонарушений администрации Краснодарского края. Постановление Главы администрации (Губернатора) Краснодарского края № 117 от 22.02.2017 (с изм. от 02.10.2024). *СПС Кодекс*.

коррупционных рисков. Также с 2008 г. действует План противодействия коррупции (далее – План)¹³. В Плане Краснодарского края прописаны основные регулярные мероприятия по противодействию коррупции, которые в обязательном порядке реализуются краевыми органами публичной власти и предполагают определенные сроки и формы отчетности по выполнению этих мероприятий.

В 2015 г. была принята Государственная программа КК *Обеспечение безопасности населения*, одной из подпрограмм которой является *Противодействие коррупции в Краснодарском крае* со сроком реализации до 2024 г. Показателем эффективности ее реализации является «степень доверия к исполнительным органам государственной власти Краснодарского края со стороны населения (по данным социологического исследования)¹⁴. В 2023 г. этот показатель достиг 71,9 % опрошенных при плановом значении 65,5 %, а проведение социологического исследования обошлось в 275 тыс. руб.¹⁵

В подпрограмме выделено всего 3 целевых показателя, два из которых связаны с реализацией антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов, а один – с обучением государственных гражданских служащих основам противодействия коррупции, что свидетельствует об отсутствии в крае приоритета этого типа политики и ее реализации.

Основной закон в сфере противодействия коррупции в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (ХМАО – Югра) был принят в 2008 г.¹⁶ Как и в рассматриваемых ранее регионах, Комиссия появилась в 2015 г.¹⁷ Отличительная особенность институциональной организации системы противодействия коррупции в данном субъекте состоит в том, что функции по обеспечению деятельности Комиссии и контроля за исполнением принятых ей решений лежат не на структурном подразделении Администрации Главы субъекта РФ, а на Управлении

профилактики коррупционных и иных правонарушений (далее – Управление), входящем в состав исполнительного органа власти субъекта РФ – Департамента государственной гражданской службы, кадровой политики и профилактики коррупции ХМАО – Югры (далее – Депгосслужбы Югры)¹⁸.

Структурные изменения в виде образования Депгосслужбы Югры и выделения его подразделения – Управления – произошли относительно недавно (в 2023 г.), что подчеркивает активное проведение в ХМАО – Югре структурных реформ с целью улучшения эффективности противодействия коррупции. Также это свидетельствует о стремлении к более системному и комплексному подходу в борьбе с коррупцией в регионе и отражает готовность и желание региональных властей адаптировать свою антикоррупционную политику в соответствии с современными вызовами и требованиями и территориальными особенностями.

В 2021 г. Губернатор ХМАО – Югры принял План противодействия коррупции на 2021–2024 гг.¹⁹, предусматривающий:

- обязательное включение представителей антикоррупционных некоммерческих организаций в действующие комиссии;
- проведение инновационных мероприятий для служащих и населения по просвещению и образованию в рамках противодействия коррупции;
- организацию конкурса на предоставление грантов Губернатора автономного округа на развитие гражданского общества;
- реализацию проектов в области культуры, искусства и креативных индустрий, в том числе по направлению формирования антикоррупционного поведения;
- организацию конкурса научных и прикладных работ по антикоррупционному просвещению граждан и формированию нетерпимости к коррупционному поведению у государственных

¹³ О мерах по противодействию коррупции в Краснодарском крае. Распоряжение Главы администрации (Губернатора) Краснодарского края № 789-р от 30.09.2008 (с изм. и доп. от 12.12.2013). *ИПП Гарант*.

¹⁴ Об утверждении государственной программы Краснодарского края «Обеспечение безопасности населения». Постановление Главы администрации (Губернатора) Краснодарского края № 1203 от 14.10.2013 (с изм. от 05.08.2024). *СПС Кодекс*.

¹⁵ Доклад о ходе реализации подпрограммы «Противодействие коррупции в Краснодарском крае» государственной программы Краснодарского края «Обеспечение безопасности населения» по итогам 2023 г. URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1276/> (дата обращения: 12.08.2024).

¹⁶ О мерах по противодействию коррупции в ХМАО – Югре. Закон ХМАО – Югры № 86-ОЗ от 25.09.2008 (ред. от 10.10.2024). *СПС Кодекс*.

¹⁷ О Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в ХМАО – Югре. Постановление Губернатора ХМАО – Югры № 107 от 29.09.2015 (с изм. от 09.11.2023). *СПС Кодекс*.

¹⁸ О Департаменте государственной гражданской службы, кадровой политики и профилактики коррупции ХМАО – Югры. Постановление Губернатора ХМАО – Югры № 57 от 27.04.2023 (с изм. от 07.02.2024). *СПС Кодекс*.

¹⁹ О Планах противодействия коррупции в ХМАО – Югре на 2021–2024 гг. Распоряжение Губернатора ХМАО – Югры № 96-рг от 12.04.2021 (с изм. от 18.08.2023). *СПС Кодекс*.

гражданских и муниципальных служащих в ХМАО – Югре;

- проведение регионального антикоррупционного диктанта и др.

В автономном округе также действует Общественный антикоррупционный договор²⁰, к которому присоединились органы публичной власти, подведомственные им организации и бизнес-сообщества, а также объединения предпринимателей для реализации антикоррупционной политики в округе.

В **Ульяновской области** (далее – УО) принят закон «О противодействии коррупции в Ульяновской области»²¹, в соответствии с которым выделены основные субъекты проведения единой государственной политики региона в области противодействия коррупции (Губернатор УО, Законодательное собрание УО, Правительство УО, ИОГВ УО) и обозначены их полномочия. Комиссия (УО) как постоянно действующий координационный орган при Губернаторе Ульяновской области была создана в 2015 г.²²

Деятельность Комиссии (УО), подготовку материалов к ее заседаниям и контроль за исполнением принятых ей решений осуществляет Управление по реализации единой государственной политики в области противодействия коррупции, профилактики коррупционных и иных правонарушений администрации Губернатора Ульяновской области. Его начальником является Уполномоченный по противодействию коррупции в Ульяновской области, и он же обеспечивает выполнение стоящих перед этим органом задач.

В УО был создан специальный информационный ресурс, посвященный противодействию коррупции в данном субъекте РФ²³, на котором, помимо нормативно-правовых и отчетных документов, методических рекомендаций, сведений о доходах и прочих обязательных элементах, содержится рейтинг исполнительных органов государственной власти УО, обновляемый поквартально. В данном рейтинге оценка региональным ИОГВ дается по принципу *Светофор*: зеленым цветом выделяются ИОГВ,

успешно реализующие антикоррупционную политику, желтым – ИОГВ, делающие это на среднем уровне, а красным – ИОГВ с низким уровнем организации антикоррупционной деятельности. По итогам 1 квартала 2024 г. в зеленой зоне находятся 7 ИОГВ, в желтой – 13, в красной же – ни одного²⁴.

В УО регулярно проводятся конкурсы, вовлекающие институты гражданского общества в деятельность по противодействию коррупции: для журналистов – на лучшее освещение материалов по противодействию коррупции; для экспертов / экспертных организаций – на проведение антикоррупционной экспертизы и пр. Таким образом управленческие практики в данном субъекте РФ содержат меньше контрольной составляющей и в большей степени направлены вовне, адресованы населению и привлекают его к участию в реализации антикоррупционной политики.

В 2022 г. скорректированная областная программа *Противодействие коррупции в Ульяновской области* была принята Постановлением Правительства УО. Соисполнителями программы, помимо органов власти, названы 3 НКО и несколько казенных учреждений. Срок реализации – 5 лет (2022–2026 гг.). На весь срок реализации программы выделяется 3,92 млн руб., т.е. в среднем 1,3 млн руб. ежегодно²⁵.

Так как самыми распространенными видами субъектов России являются области, целесообразно более подробно рассмотреть реализацию антикоррупционной политики на примере именно этой единицы федерального деления страны. Так, проанализируем особенности противодействия коррупции на материалах еще одной области – Свердловской.

В **Свердловской области** (далее – СО) основной нормативно-правовой акт в области противодействия коррупции – закон «О противодействии коррупции в Свердловской области» – содержит перечень основных субъектов реализации антикоррупционной политики в регионе и их основные полномочия²⁶. В регионе также действует Комиссия (СО), в составе которой образованы 3 рабочие группы:

²⁰ Общественный антикоррупционный договор. Дума ХМАО – Югры. 19.12.2016. URL: https://www.dumahmao.ru/decisions/detail.php?ID=24228&phrase_id=166963 (дата обращения: 12.08.2024).

²¹ О противодействии коррупции в Ульяновской области. Закон Ульяновской области № 89-30 от 20.07.2012 (с изм. от 31.07.2023). *СПС Кодекс*.

²² Об утверждении Положения о комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Ульяновской области и признании утратившими силу некоторых постановлений Губернатора Ульяновской области. Постановление Губернатора Ульяновской области № 179 от 12.10.2015. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=158086827 (дата обращения: 12.08.2024).

²³ Противодействие коррупции. Правительство Ульяновской области. URL: <https://anticorrupt.ulgov.ru/> (дата обращения: 12.08.2024).

²⁴ Рейтинг исполнительных органов Ульяновской области. URL: <https://anticorrupt.ulgov.ru/rating/> (дата обращения: 12.08.2024).

²⁵ Об утверждении областной программы «Противодействие коррупции в Ульяновской области». Постановление Правительства Ульяновской области № 478-П от 24.08.2022 (с изм. от 18.09.2024). *СПС Кодекс*.

²⁶ О противодействии коррупции в Свердловской области. Закон Свердловской области № 2-ОЗ от 20.02.2009 (с изм. от 02.08.2023). *СПС Кодекс*.

- 1) по рассмотрению вопросов, касающихся соблюдения требований к должностному поведению лиц, замещающих государственные должности, а также урегулирования конфликта интересов;
- 2) по рассмотрению отдельных вопросов, связанных с профилактикой коррупции в муниципальных образованиях;
- 3) по взаимодействию с институтами гражданского общества.

Департамент противодействия коррупции Свердловской области обеспечивает деятельность Комиссии (СО), а также осуществляет подготовку материалов к заседаниям и контроль за исполнением принятых ей решений²⁷. Департамент является исполнительным органом государственной власти Свердловской области, который реализует государственную политику СО в сфере противодействия коррупции и находится в непосредственном подчинении Губернатора Свердловской области.

Помимо указанных традиционных и обязательных субъектов реализации политики противодействия коррупции, в реализации антикоррупционной политики субъектах РФ принимают участие территориальные управления федеральных органов государственной власти, а также государственные и муниципальные организации (в пределах своих полномочий), различные общественные объединения, некоммерческие организации и некоторые коммерческие организации (в пределах своих полномочий). Например, Прокуратура СО; Счетная палата СО; Управление Федеральной антимонопольной службы по СО; Управление МВД России по СО; Управление ФСБ России по СО. Подчеркнем, что расследованием преступлений, связанных с коррупцией, на территории Свердловской области занимаются: Управление МВД России по СО; Управление ФСБ России по СО; Следственное управление Следственного комитета России по СО.

Минюстом России в данном субъекте зарегистрирована 21 некоммерческая организация, их уставные цели предусматривают участие в мероприятиях по профилактике и противодействию коррупции. Среди них 16 НКО – регионального уровня, 1 – муниципального, остальные – межрегионального. К концу 2023 г. в СО зарегистрированы 24 независимых эксперта, которые участвуют в осуществлении антикоррупционной экспертизы

нормативно-правовых актов и их проектов (22 физических и 2 юридических лица). В этом же году независимыми экспертами подготовлено 228 заключений, что в 1,8 раза больше, чем годом ранее.

Помимо этого, активными участниками реализации антикоррупционной политики выступают субъекты общественного контроля: общественная Палата Свердловской области; Общественный совет при Законодательном собрании СО; Общественные советы при ИОГВ СО; общественные палаты / советы муниципальных образований СО (всего 73 субъекта). Также в данном субъекте РФ, начиная с 2014 г., ежегодно проводится Антикоррупционный Форум Свердловской области, цель которого – популяризация антикоррупционных стандартов поведения и обмен опытом по профилактике антикоррупционных правонарушений.

В целом динамика изменений в Свердловской области в 2023 г. демонстрирует определенную результативность реализации антикоррупционной политики. В 2019 г. была принята государственная программа *Противодействие коррупции в Свердловской области до 2027 г.* На весь срок реализации госпрограммы выделяется 686,149 млн руб., т.е. в среднем 85,5 млн руб. ежегодно. Ее целевыми показателями являются индикаторы *деловой и бытовой* коррупции, уровень обеспеченности государственных гражданских служащих автоматизированным рабочим местом, размещение информации о заседаниях комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов в Интернете и т.д.

Помимо госпрограммы, с 2013 г. в этом субъекте РФ регулярно (1 раз в 2 года) принимается Концепция взаимодействия органов государственной власти Свердловской области, органов местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области, и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции на период до 2024 г.²⁸, призванная выстроить межсекторные основы для реализации антикоррупционной политики.

Кроме того, с 2015 г. принимается Программа совместных действий институтов гражданского общества по противодействию коррупции на территории Свердловской области *Общество против коррупции*. Она определяет основные мероприятия,

²⁷ О Департаменте противодействия коррупции и контроля Свердловской области и внесении изменения в Указ Губернатора Свердловской области от 22.06.2012 № 427-УГ «О Правительстве Свердловской области и исполнительных органах государственной власти Свердловской области». Указ Губернатора Свердловской области № 637-УГ от 30.11.2018. *СПС Кодекс*.

²⁸ Концепция взаимодействия органов государственной власти Свердловской области, органов местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области, и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции на период до 2024 г. URL: <https://clck.ru/3EiM9G> (дата обращения: 12.08.2024).

направленные на конструктивное сотрудничество институтов гражданского общества с органами государственной власти СО и органами местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на ее территории, в целях противодействия коррупции.

Информация о деятельности органов публичной власти по противодействию коррупции и иных материалах антикоррупционной направленности размещается на официальных сайтах органов власти и на официальных страницах в соцсетях ВКонтакте и Одноклассники. Количество опубликованных материалов антикоррупционной направленности в 2023 г. распределилось следующим образом: 1–2 публикации (52 %); 3–5 публикаций (32 %); 6 и более (16 %).

В среднем на официальных страницах в социальных сетях органов публичной власти было размещено 3 публикации (более 500 в целом). Более 6 записей по данной тематике опубликовали только 16 % официальных страниц, среди которых:

1. Страницы муниципалитетов (преимущественно крупных муниципальных образований, таких как Екатеринбург, Каменск-Уральский, Нижний Тагил и т.д.).

2. Страницы региональных ИОГВ СО (непосредственно взаимодействующих с целевой аудиторией и имеющих большое количество подписчиков²⁹), например Министерство образования и молодежной политики СО, Министерство физической культуры и спорта СО и пр.

Большая часть размещаемых на официальных страницах материалов антикоррупционной тематики имеет низкий уровень просмотров, комментариев и лайков, т.е. низкий уровень вовлеченности подписчиков. На многих страницах муниципальных образований публикация таких материалов ограничивается только ссылками на записи о проведении различных региональных мероприятий и конкурсов с официальной страницы Департамента. Стоит отметить, что в 2024 г. одним из наиболее востребованных форматов подачи информации в соцсетях являются короткие видео. В общей массе материалов антикоррупционной направленности отмечается небольшая доля видеозаписей, что не способствует профилактике коррупционных правонарушений.

Для сравнения возьмем результаты деятельности ИОГВ УО, которыми в 2023 г. на официальных сайтах в сети Интернет, официальных страницах в социальных сетях, а также в СМИ было опубликовано более 3500 сообщений профилактического характера в области противодействия коррупции. Однако данная работа ведется неравномерно разными ИОГВ. Например, Министерство социального развития УО в рамках антикоррупционной политики в 2023 г. подготовило 226 публикаций, отдел ЗАГС УО – 95, в то время как Министерство физической культуры и спорта УО, Министерство молодежного развития УО, Министерство экономического развития и промышленности УО, Министерство агропромышленного комплекса и развития сельских территорий УО – ни одного.

В РТ количество программ, фильмов, печатных и сетевых изданий антикоррупционной направленности, созданных самостоятельно или при поддержке органа государственной власти, в 2023 г. составило 5200 материалов (отмечается снижение по сравнению с 2022 г.). Министерство культуры, Министерство по делам молодежи, Главное управление ветеринарии Кабинета Министров, Управление ЗАГС Кабинета Министров, Министерство спорта РТ не размещали на своих официальных страницах в социальных сетях информационные материалы по противодействию коррупции.

Итак, можно наблюдать общую тенденцию «разрыва» в профилактической и информационно-пропагандистской деятельности ИОГВ субъектов РФ в рамках реализации антикоррупционной политики.

Периодическое (ежегодное) исследование состояния коррупции и эффективности принимаемых мер по ее предупреждению (антикоррупционный мониторинг) реализуется как изучение общественного мнения о состоянии коррупции в субъектах РФ. В целях оценки уровня коррупции на текущий момент опубликованы результаты социологических исследований, проведенных в 2023 г. по указанной методике³⁰.

Анализ полученных результатов исследований в **Свердловской области** позволяет сделать следующие выводы³¹:

- доля респондентов, попадавших в коррупционную ситуацию при взаимодействии с представителями власти, сократилась на 0,8 % по сравнению с 2022 г.;

²⁹ В расчет не принимались публикации на официальной странице Департамента.

³⁰ Анализ результатов социологического исследования в ХМАО – Югре не проводился из-за их отсутствия в открытых источниках.

³¹ Результаты социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в Свердловской области. URL: <https://anticorruption.midural.ru/article/show/id/1353> (дата обращения: 22.07.2024).

- среди опрошенных бытовая коррупционная ситуация чаще всего возникала при поступлении в дошкольные учреждения и обслуживании в них (18,55 % респондентов);
- 14,8 % респондентов сталкивались с бытовой коррупцией при оформлении прав на социальные выплаты;
- уровень осведомленности населения о принимаемых органами власти мерах по противодействию коррупции увеличился на 3,3 % по сравнению с 2022 г.;
- количество тех, кто осуждает взятокдателей и взяточполучателей, увеличилось на 11 % по сравнению с 2022 г.;
- количество лиц, которые потенциально готовы дать взятку, снизилось на 7 % по сравнению с 2022 г.

Результаты исследований в **Татарстане** также свидетельствуют о снижении уровня восприятия коррупции³²:

- доля респондентов, которые хотя бы раз в течение последнего года попадали в коррупционную ситуацию, составила 9,9 %;
- уровень коррупции был оценен как *низкий* 31,9 % респондентов, как *высокий* – 16,5 %;
- наибольший уровень коррупции, по мнению респондентов, отмечается среди преподавателей вузов (28,8 % опрошенных), среди руководителей предприятий (27,6 %) и чиновников местных администраций (22,1 %);
- количество респондентов, которым известны меры, принимаемые властями для противодействия коррупции, составляет 41,5 %: одни постоянно следят за реализацией антикоррупционных мер – 11,1 %, а другие специально этого не делают – 30,4 %.

Результаты опросов не так оптимистичны в **Ульяновской области**³³:

- доля респондентов, которые считают уровень коррупции в регионе высоким, составляет 21,5 %, средним – 28 %;
- число тех, кто утвердительно ответил о возникновении необходимости решения вопроса с помощью неформального вознаграждения, подарка, взятки, выросло на 12 % по сравнению с 2022 г.;

- 70 % опрошенных знали о факте возникновения коррупционной ситуации;
- 9,9 % жителей УО подтвердили, что сталкивались с проявлениями коррупции;
- процент положительно оценивающих деятельность властей по противодействию коррупции увеличился на 9,4 % по сравнению с 2020 г.

В **Краснодарском крае** в ходе проведения социологических исследований были получены следующие результаты³⁴:

- 31,3 % респондентов затруднились ответить на вопрос об уровне коррупции в крае, что может говорить о недостаточном понимании вопроса и об отсутствии устоявшегося мнения, 18,7 % опрошенных уверены, что уровень коррупции стал выше, а 38,2 % считают, что он остался неизменным;
- наиболее коррумпируемыми жители региона считают коммунальные службы (55 %), СМИ (50,5 %), правоохранительные органы, т. е. полицию, прокуратуру и пр. (49,8 %), службу безопасности дорожного движения (ГИБДД) (49,1 %), окружные, областные, районные и городские суды (45,4 %);
- 14,5 % опрошенных оценивают деятельность региональных властей как эффективную, а 19,3 % респондентов уверены, что региональная власть не хочет и не может бороться с коррупцией.

Итак, несмотря на разные результаты, полученные в ходе социологических исследований в разных регионах, можно отметить в целом положительную динамику систематической деятельности исполнительных органов государственной власти субъектов РФ по противодействию коррупции.

Для оценки реализуемых управленческих практик было проведено 5 экспертных интервью с теми лицами, которые реализуют антикоррупционную политику в Свердловской области. Эксперты отмечают, что в 2024 г. сложилась определенная система взаимодействия органов государственной власти, местного самоуправления и общественности в реализации антикоррупционной политики в СО.

Представитель Департамента отметил некоторые региональные особенности реализуемой в субъекте РФ антикоррупционной политики: *Не так давно*

³² Сводный отчет о состоянии коррупции и реализации мер антикоррупционной политики Республики Татарстан в 2023 г. URL: https://minzdrav.tatarstan.ru/file/pub/pub_4201405.pdf (дата обращения: 10.08.2024).

³³ Сводный доклад «О результатах исполнения в 2023 г. в Ульяновской области Национального плана противодействия коррупции на 2021–2024 гг. и областной программы «Противодействие коррупции в Ульяновской области»». URL: https://anticorrupt.ulgov.ru/wp-content/uploads/reports/svod_nacional_plan.pdf (дата обращения: 10.08.2024).

³⁴ Доклад о восприятии уровня коррупции в Краснодарском крае в 2023 г. URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1276/> (дата обращения: 10.08.2024).

была установлена обязанность лиц, замещающих муниципальные должности, сообщать о фактах склонения к совершению антикоррупционных правонарушений, что принято далеко не во всех субъектах РФ.

Эксперт общественной организации выразил мнение, что участие в программе совместных действий *Общество против коррупции*, которая действует в СО продолжительное время, приносит свои плоды в виде *активной молодежи, участвующей в различных мероприятиях, стремящейся искоренить коррупцию в своем поколении.*

Член экспертной комиссии обозначил некоторые проблемы, возникающие при реализации антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов: *Поскольку количество аккредитованных Минюстом экспертов на проведение независимой экспертизы правовых актов сильно ограничено, очевидна проблема с большой нагрузкой на каждого эксперта. Помимо этого, стоит учесть, что данная деятельность осуществляется ими на безвозмездной основе.*

Представители субъектов общественного контроля отметили, что, к сожалению, коррупция – явление «живое», т.к. оно *адаптируется и мимикрирует под потребности времени и общества. Для адекватного противостояния этой проблеме необходима полная информированность и вовлеченность населения, а с этим пока у нас не все так хорошо.*

Заключение

Характер коррупции отличается в регионах-донорах и регионах-реципиентах (с экономической позиции). Лидирующие места субъекта Российской Федерации в различных общероссийских рейтингах требуют от него более активных и инновационных решений в сфере противодействия коррупции. Однако результативность реализуемых управленческих практик может оказаться невысокой за счет одних и тех же причин.

Во-первых, планирование реализации антикоррупционной политики в каждом субъекте РФ происходит по-разному. Но важно, что «некачественный» подход к планированию (отсутствие необходимых ресурсов, неучет данных антикоррупционного мониторинга и других показателей социально-экономического прогнозирования развития региона; слишком подробная, излишняя или, наоборот, слишком широкая постановка задач; отсутствие координации планирования на горизонтальном и вертикальном уровнях и т.д.) зачастую приводит к одинаковым результатам в любом регионе – слабому воздействию на коррупцию. Выделяемые бюджетные средства на реализацию этой политики,

масштабность реализуемых практик, долгосрочность принимаемых мер имеют значительные отличия в антикоррупционной региональной политике субъектов РФ.

Во-вторых, хоть реализация антикоррупционной политики идет с участием институтов гражданского общества, освещение их участия и результатов совместных усилий происходит не должным образом. Это может свидетельствовать об отсутствии обратной связи от граждан по результатам реализации политики, т.е. население получает информацию о противодействии коррупции преимущественно из СМИ: его внимание фокусируется на коррупционных арестах и скандалах, а не на эффективности антикоррупционной работы.

В-третьих, несмотря на участие общественных акторов, антикоррупционные действия в субъекте РФ в основном реализуются органами публичной власти и подведомственными учреждениями. При этом коррупция как объект воздействия существует внутри системы органов публичной власти, что позволяет говорить о том, что субъект и объект управленческого воздействия в некотором роде тождественны [23]. При слабом же общественном контроле это приводит к отсутствию значимых результатов (в лучшем случае).

Управленческие практики в сфере реализации региональной антикоррупционной политики важны для систематизации и последующего анализа существующего регионального опыта. В силу таких особенностей, как организация системы публичной власти в регионе, количество муниципальных образований, расположенных на территории субъекта РФ, и их статус, социально-экономические, политические, культурные и иные факторы, реализация антикоррупционной политики в субъектах России также отличается.

При этом важно отбирать и фиксировать наиболее успешные практики с целью последующего масштабирования и распространения в другие регионы со схожей ситуацией. Это можно реализовать, составив общую базу данных подобных практик с доступной «витриной» в сети Интернет.

Важнейшим аспектом реализации региональной антикоррупционной политики выступает ее открытость и результативность, понятная гражданам и распространяемая субъектами реализации политики по востребованным населением каналам. Причем результативность не может выражаться «бюрократическим», административным языком, следует доносить ее до людей понятными непротиворечивыми фразами. Каналами такого обмена, итогами реализации политики могут служить не только

официальные страницы органов публичной власти, некоммерческих организаций и активистов в социальных сетях, но и мероприятия, и личные встречи как с гражданами, так и с представителями медиасферы (журналисты и блогеры).

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Г. А. Баннх – концептуализация, анализ нормативных правовых актов, выбор методологии, курирование данных, администрирование проекта, редактирование статьи. И. Р. Паливода – проведение исследования, сбор данных и их визуализация, подготовка рукописи, формальный анализ.

Contribution: G. A. Bannykh developed the research concept, performed the legal analysis, selected the methodology, supervised the project, and edited the draft. I. R. Palivoda conducted the research, collected the data, provided their visualization, performed the formal analysis, and wrote the manuscript.

Литература / References

1. Черкасов К. В., Пиптюк А. В. Межрегиональная программа противодействия коррупции: к вопросу о системности антикоррупционных мероприятий на уровне федерального округа. *Мари́йский юриди́ческий вестник*. 2020. № 1-2. С. 36–38. [Cherkasov K. V., Pipyuk A. V. Interregional anti-corruption program: To the issue of systematization of anti-corruption activities at the federal district level. *Mariiskii iuridicheskii vestnik*, 2020, (1-2): 36–38. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aycxlv>
2. Рыбкина М. В. Совершенствование механизмов противодействия коррупции в условиях цифровизации общества. *Развитие современной науки и образования: инновации в преподавании, обучении, научных исследованиях*: Междунар. науч.-практ. конф. (Архангельск, 19 января – 15 апреля 2024 г.) Архангельск: Институт управления, 2024. С. 66–70. [Rybkina M. V. Improving anti-corruption mechanisms in the digital society. *The development of modern science and education: innovations in teaching, learning, and research*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Arkhangelsk, 19 Jan – 15 Apr 2024. Arkhangelsk: Institut of management, 2024, 66–70. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hyutxg>
3. Протопопова И. Н. Цифровизация как фактор противодействия коррупции. *Государство, общество, бизнес в условиях цифровизации*: Всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 13 февраля 2020 г.) Саратов: ПИУ имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС, 2020. С. 52–53. [Protopopova I. N. Digitalization as a factor of anti-corruption. *Government, society, and business in the context of digitalization*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Saratov, 13 Feb 2020. Saratov: Volga Region Institute of Management (RANEPА), 2020, 52–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vuowwo>
4. Меняйло Д. В., Барсова Е. Р. Применение информационных технологий в сфере противодействия коррупции. *Информационные технологии в деятельности органов внутренних дел*: Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 20 апреля 2023 г.) М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2023. С. 222–226. [Meniailo D. V., Barsova E. R. Information technologies in the field of anti-corruption. *Information technologies in the activities of internal affairs bodies*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Moscow, 20 Apr 2023. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2023, 222–226. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hzxivs>
5. Щерблыкина И. В. Информационное противодействие коррупции в России по данным криминологического исследования. *Состояние противодействия коррупции и направления совершенствования борьбы с ней*: Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 27–28 января 2015 г.) М.: Российская криминологическая ассоциация, 2015. С. 38–47. [Shcheblykina I. V. Informational counteraction to corruption in Russia: Criminological research. *The state of anti-corruption and improvement measures*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Moscow, 27–28 Jan 2015. Moscow: Rossiiskaia kriminologicheskaiа assotsiatsiia, 2015, 38–47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/twyufp>
6. Каранова Д. А. Применение информационно-коммуникационных технологий в обеспечении противодействия коррупции. *Правовые и криминологические основы противодействия коррупции: международный и российский опыт*: Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 9 декабря 2022 г.) Москва: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2023. С. 75–78. [Karanova D. A. Information and communication technologies in corruption prevention. *Legal and criminological foundations of anti-corruption: International and Russian*

- experience*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Moscow, 9 Dec 2022. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2023, 75–78. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/njaqaf>
7. Гришин Е. А., Банных Г. А. Особенности противодействия коррупции в органах государственной власти на региональном уровне. *Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований*. 2022. Т. 1. С. 171–176. [Grishin E. A., Bannykh G. A. Features of counteraction to corruption in state authorities at the regional level. *Sovremennoe obshchestvo: Voprosy teorii, metodologii, metody sotsialnykh issledovaniy*, 2022, 1: 171–176. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/znwbbi>
 8. Гацко М. Ф. Антикоррупционная политика государства. Ногинск: Ногинский филиал РАНХиГС, 2015. 118 с. [Gatsko M. F. *The anti-corruption policy of the state*. Noginsk: Noginsk branch of RANEPa, 2015, 118. (In Russ.)]
 9. Серегина Е. В., Магеров Д. В. О некоторых вопросах эффективности проводимой антикоррупционной политики в Российской Федерации и регионах (на примере Ростовской области). *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2022. № 8. С. 124–130. [Seregina E. V., Magerov D. V. On some issues of the effectiveness of the anti-corruption policy in the Russian Federation and its regions (the example of the Rostov Region). *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*, 2022, (8): 124–130. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/budzwk>
 10. Сорокин Р. С. Антикоррупционная политика России. *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата*. 2021. № 1. С. 91–94. [Sorokin R. S. Anti-corruption policy of Russia. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata*, 2021, (1): 91–94. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/onxkvt>
 11. Доменко Ю. Ю., Ильина Е. Н., Улыбина Е. А., Сапсай К. В., Доменко А. Ю., Княжева С. А., Княжева Е. А. Региональная специфика коррупции (на примере Кировской области). *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2023. Т. 3. № 4. С. 80–86. [Domenko Yu. Yu., Ilina E. N., Ulybina E. A., Sapsay K. V., Domenko A. Yu., Knyazheva S. A., Knyazheva E. A. Regional specifics of corruption (on the example of the Kirov Region). *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 2023, 3(4): 80–86. (In Russ.)] <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2023.04.03.009>
 12. Бурда М. А., Иванова М. М. Антикоррупционная политика современной России: особенности формирования новых подходов государственного управления. *PolitBook*. 2019. № 2. С. 83–96. [Burda M. A., Ivanova M. M. Anti-corruption policy of modern Russia: Features of formation of new approaches to state management. *PolitBook*, 2019, (2): 83–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pqspar>
 13. Яророва Т. В., Сухомлинова Е. В. Основные направления государственной антикоррупционной политики в субъектах. *Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве*. 2020. Т. 1. № 9. С. 245–250. [Yarovova T. V., Sukhomlinova E. V. Basic directions of state anti-corruption policy in subjects. *Sotsialnaia integratsiia i razvitie etnokultur v evraziiskom prostranstve*, 2020, 1(9): 245–250. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gxbwhm>
 14. Горшенков Г. Н. Эффективность антикоррупционной политики. *Актуальные проблемы экономики и права*. 2016. № 1. С. 5–16. [Gorshenkov G. N. Efficiency of anti-corruption policy. *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, (1): 5–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vomocl>
 15. Ахметов А. С. Коррупция как социальное явление. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2018. № 2. С. 58–62. [Akhmetov A. S. Corruption as a social phenomenon. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniia*, 2018, (2): 58–62. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/art.2018.2.8>
 16. Кабытов Н. П. Организация деятельности многофункциональных центров как элемент механизма противодействия коррупции. *Развитие института резерва управленческих кадров в субъектах Российской Федерации как вызов времени и эффективный инструмент совершенствования государственной кадровой политики*: Межрегион. науч.-практ. конф. (Самара, 9 октября 2014 г.) Самара: СамНЦ РАН, 2014. С. 269–274. [Kabytov N. P. Multifunctional centers as an element of anti-corruption. *Developing of the institute of the reserve of managerial personnel in the subjects of the Russian Federation as a challenge of the time and an effective tool for improving the state personnel policy*: Proc. Interreg. Sci.-Prac. Conf., Samara, 9 Oct 2014. Samara: SamSC RAS, 2014, 269–274. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/szaiwb>
 17. Leontieva L. S., Khalilova T. V., Gaynullina L. F., Khalilov A. I. Social-communicative innovations in anti-corruption activities (regional aspect). *Asian Social Science*, 2015, 11(7): 385–393. <https://doi.org/10.5539/ass.v11n7p387>

18. Куликов А. В., Символокова Д. А. Современный способ борьбы с коррупцией – использование технологии блокчейн. *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2021. № 4. С. 36–42. [Kulikov A. V., Simvolokova D. A. A modern way to fight corruption – the use of blockchain technology. *Izvestiia Tulsogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i iuridicheskie nauki*, 2021, (4): 36–42. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2071-6184-2021-4-36-42>
19. Маринкин Д. Н., Плотников Р. В. Информационные технологии блокчейн как способ борьбы с коррупцией в современной России. *Вестник Прикамского социального института*. 2019. № 1. С. 61–64. [Marinkin D. N., Plotnikov R. V. Information blockchain technologies as the way of fight against corruption in modern Russia. *Vestnik Prikamskogo sotsialnogo instituta*, 2019, (1): 61–64. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/irbdsg>
20. Емельянов А. С. Диалектика применения блокчейн-технологий в сфере противодействия коррупции. *Диалектика противодействия коррупции: XII Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Казань, 18 ноября 2022 г.)* Казань: Познание, 2023. Т. 2. С. 67–80. [Emelianov A. S. Dialectics of blockchain technologies in anti-corruption. *Dialectic of anti-corruption: Proc. XII All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation*, Kazan, 18 Nov 2022. Kazan: Poznanie, 2023, vol. 2, 67–80. (In Russ.)]
21. Kazachkova Z. M., Kozlova E. B. Monitoring as a tool for improvement of modern regional anti-corruption policy in Russia. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2020, 11(1): 80–90. <https://elibrary.ru/chsjtk>
22. Davidson J. S. Politics-as-usual on trial: Regional anti-corruption campaigns in Indonesia. *The Pacific Review*, 2007, 20(1): 75–99. <https://doi.org/10.1080/09512740601133237>
23. Bågenholm A. The electoral fate and policy impact of "anti-corruption parties" in Central and Eastern Europe. *Human Affairs*, 2013, 23(2): 174–195. <https://doi.org/10.2478/s13374-013-0118-4>
24. Скибин С. А. Учет специфики развития регионов при формировании моделей региональной антикоррупционной политики. *Плехановский барометр*. 2021. № 2. С. 40–44. [Skibin S. A. Specifics of regional development in modelling the regional anti-corruption policy. *Plehanovskii barometr*, 2021, (2): 40–44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jlppon>
25. Кузнецова Н. М. Программно-плановое регулирование и практическое осуществление мер по противодействию коррупции органами региональной власти и местного самоуправления. *Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)*. 2023. № 2. С. 35–43. [Kuznetsova N. M. Program-planned regulation and practical implementation of anti-corruption measures by regional and local authorities. *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*, 2023, (2): 35–43. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-35-43>